

Т. Г. Шевченко

НЕВОЛЬНЫКЪ.
—
ТОПОЛЯ.
—
ПЕРЕБЕНДЯ.

Цѣна 4 коп.

КІЕВЪ

Тип. Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6.

1902.

Т. Г. Шевченко.

НЕВОЛЬНЫКЪ.

ТОПОЛЯ.

ПЕРЕБЕНДЯ.

Ц. 4 коп.

К І Е В Ъ.

Типографія Императ. универс. св. Владим. Акц. Общ.
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. Меринговская ул., д. № 6

1902.

Т. П. ПЕТРОВИЧ.

Дозволено цензурою. 24 Июля 1901 года.

В. 4. 100.

К. 1. 1. 1.

Типографическое Издательство в Петербурге.
И. Т. Воробьевъ-Воробьевъ, стр. 100.

1901

НЕВОЛЬНИКЪ.

Думы мои молоды, —
Понурый диты!
И вы мене покинули!.
Пустку натопыты
Нема кому... Остався я,
Та не сырою,
А зъ тобою, молодою,
Раю мій, покою.
Моя зоре досвітняя,
Едыная думо,
Пречыстая!.. Ты вытаешь. .
Якъ у того Нумы
Тая нимфа Егерія, —
Такъ ты, моя зоре,
Просіяешь надо мною,
Нибы заговоришь,

Усмихнешся... Дывлюся я—
Ничого не бачу...
Прокинуся—серце плаче,
И очи заплачуть.
Спасыби зиронько!

Мынае

Неясный день мій; вже смеркає;
Надъ головою вже несе
Свою неклепаную косу
Косарь непевный... мовчки скосыть;
А тамъ—и слидъ мій занесе
Холодный витерь... Все мынае!..

Згадаешъ, може, молодая,

Вылыту слёзамы

Мою думу,—и тыхымы,

Тыхымы ричамы

Проговорышъ: „я любила

Ёго на симъ свити,

И на тимъ свити любытому...

О, мій тыхый свите,

Моя зоре вечирняя!

Я буду витаты

Коло тебе, и за тебе

Господа, благаты!

Той блукае за морямы,

Свить перехожае,

Доли, доленькы шукае...
Немае, немає.—
Мовъ умерла! А той рвется
Зъ усіей сылы
За долею... оть-отъ догнавъ!
И —бебехъ въ могылу!
А въ иншого сиромыхы
Ни хаты, ни поля,
Тилькы торба; а зъ торбыны
Выглядае доля,
Мовъ дытынка: а винъ иі
Лае, проклинае
И за чвертку закладае,—
Ни, не покидыае!
Якъ репьяхъ той, учепытся
За латани полы,
Та й збирае колосочки
На чужому поли;
А тамъ—снопы, а тамъ—скырты,
А тамъ—у палатахъ
Сыдыть соби сиромыха,
Мовъ у своїй хати.
Такая-то доля тая,—
Хочъ и не шукайте:
Кого схоче—сама найде,
У колысци найде.

Ще на України весели
И вольный пышались села
Тоди, якъ праведно жылы
Старый козакъ и дитокъ двое..
Ще за гетьманщины старои,
Давно се діялось колысь.
Такъ коло полудня, въ недилю,
Та на зеленыхъ ще й святкахъ,
Пидъ хатою въ сорочци билій
Сыдивъ, зъ бандурою въ рукахъ,
Старый козакъ.

— „И такъ, и сякъ!“

Старый миркуе, розмовляє:
„И треба бѣ“, каже, „й трохи шкода.
А треба буде; два-тры годы
Нехай по свиту погуляє
Та самъ *своєи* пошукае,
Якъ я шукавъ колысь... Ярыно!
А де Степанъ?“ — „А онъ пидъ тыномъ,
Неначе вкопаний, стоить“.
— „А я й не бачу! А йдить
Лышень сюды, та йдить обое..
А нуте, диты, оттакои!“ —

И вшкварывъ по струнахъ.
Старый грае, а Ярына
Зъ Степаномъ танцюе;

Старый грае, промовляе,
Ногамы тупцюе:

„Якъ-бы мени дыха, та дыха,
Якъ-бы мени свекривонька тыха,
Якъ-бы мени чоловикъ молодой,
До другои не ходывъ, не любовь!

Ой гопъ, чыкы-чыкы!—

Та червони черевыкы,

Та тройсти музыки,

Одъ вику до вику

Я любила бъ чоловика!

Ой гопъ! Заходьсь,

Зробывъ хату, оженивсь,

И пичъ затопывъ,

И вечерять наварывъ.

— „А нуте, диты, оттакои!“—

И старый пиднявся;

Якъ ударыть, якъ ушкварыть,—

Ажъ у-бокы взявся.

„Чы такъ, чы не такъ,—

Уродывъ пустернакъ,

А петрушку

Крышы въ юшку,—

Буде смакъ, буде смакъ!

Ой такъ, такы-такъ,

Оженився козакъ:

Кынувъ хату

И кимнату,

Та й потягъ у байракъ“.

— „Ни, не така вже, пидтопталась

Стара моя сыла,

Утомився... А все це вы

Такъ розворушылы.

О, бодай васъ! Що-то лита!

Ни вже, не доладу...

Мынулося. Иды лышень

Полуднувать лагодъ;

Гуляючы, якъ той казавъ,

Шматокъ хлиба зъисты.

Иды жъ, доню... А ты, сыну,

Послухаешъ висты.

Сидай лышень. Якъ убылы

Твого батька Йвана

Въ Шляхетчыни, то ты ще бувъ

Маленькымъ, Степане,—

Ще й не лазывъ“.— „То я не сынъ,

А чужый вамъ, тату?“—

— „Та не чужый! стривай лышень!

Отъ умерла й маты,

Такы твоя, а я й кажу,

Покійній Марыни —

Моїй жинци: а що, кажу,

Визьмемъ за дытуну,
Тебе бѣ оце! — Добре, каже
Покійна Марына:
Чому не взять? — Взялы тебе
Мы та й спарувалы
Зъ Ярыночкою до-куны...
А теперъ осталось
Ось-що робить: ты на лити,
И Ярына зріє; —
Треба буде людей шукать
Та що-небудь діять.
Якъ ты скажешъ? — „Я не знаю,
Бо я думавъ... тее...“
— „Що Ярына сестра тобі?
А воно — не тее;
Воно просто: любитеся,
Та й зъ Богомъ до шлюбу.
А покы-що, треба буде
И на чужи люде
Подывытысь, якъ тамъ живутъ:
Чы орють,
Чы на не ораному сіють,
А просто — жнуть
И немолоченее віють;
Та якъ и мелють и йидять —
Все треба знать.
Такъ отъ-якъ, друже: треба въ люде

На рикъ, на два пнты
У наймыты;

Тоди й побачымо, що буде.
Бо хто не вміе заробыть,
То той не вмитыме й пожыть.
А ты якъ думаешь, небоже?..
Не думай: колы хочешъ знать,
Де лучше лыхомъ торгувать,
Иды ты въ Сичъ. Якъ Богъ поможе, —
Тамъ найисыся всихъ хлибивъ;
Я ихъ чымало попойивъ:
И доси нудно, якъ згадаю!
Колы здобудешъ — прынесешъ;
А колы згубышъ — поживешъ.
Мое добро! то хочъ звывчаю

Козацького наберешся,
Та побачышъ свита,
Не такого, якъ у бурси,
А живи мыслите!
Зъ товарыствомъ прочитаешъ,
Та по-молодечы
Будешъ Богу молытыся,
А не по-чернечы.
Харамаркать. Отакъ, сыну! —
Помолывшысь Богу,
Осидлаемъ буланого,

Та й гайда въ дорогу!
Ходимъ лышень полуднувать.
Чы ты вже, Ярыно,
Змайструвала намъ що-небудь?
Оттаке-то, сыну!.. —
— „Уже, таточку!“ — озвалась
Изъ хаты Ярына.

Не йистся, не пьется, и сердце не бьется,
И очи не бачать, не чутъ головы!
Замість шматка хлеба — за кухню берется.
Дывытся Ярына та нышкомъ сміється.
— „Що се ёму стало? Ни йисты, ни пыть, —
Ничого не хоче! Чы не занедужавъ?
Братику Степане, що въ тебе болыть?“ —
Ярына пытае. Старому байдуже,
Нибы-то й не чуетъ. — „Чы жать, чы не жать,
А сіяты треба!“ — старый промовляе
Нибы-то до себе. — „А нумо вставать!
До вечерни, може, ще пошкандыбаю.

А ты, Степане, ляжешь спать,
Бо завтра рано треба встать
Та коня сидлатъ“.

— „Степаночку, голубчыку!
Чого се ты плачешь?
Усмихныся, подывыся:

Хиба ты не бачышъ,
Що й я плачу? Розсердився
Богъ звае на кого,
Та й зо мною не говорыть.
Утечу ій-Богу,
Та й сховаюсь у бурьяни...
Скажы бо, Степане,
Може, й справди незлужаешъ?
Я зилля достану,
Я побiju за бабою..
Може, це зъ прыстриту?..
— „Ни, Ярыно, мое серце,
Мій рожевий квите!..
Я не братъ тоби, Ярыно!
Я завтра покыну
Тебе й батька — на чужыни
Де-небудь загыну;
А ты мене й не згадаешъ,—
Забудешъ, Ярыно,
Свого брата“...— „Схаменыся!
Ій-Богу, зъ прыстриту!
Я не сестра?.. хто жъ оце я?
О, Боже мій, свите!
Що тутъ діять? Батька нема.
А винъ занедужавъ
Та ще й умре. О, Боже мій!
А ёму й байдуже,

Мовъ сміється. Степаночку!
Хиба ты не знаєшь,
Що безъ тебе и таточка
И мене не стане?“ —
— „Ни, Ярыно, я не кыну.
А тилькы пойиду
Недалеко. А на той рикъ
Я до васъ прыйиду
Зъ старостамы — за тобою
Та за рушныкамы...
Чы подаєшь?“ — „Та пуръ тоби
Зъ тымы старостамы!
Ще й жартує!“ — „Не жартую.
Йй-Богу, Ярыно,
Не жартую!“... — „Та це й справди
Ты завтра покинешъ
Мене й батька? Не жартуєшь?
Скажи бо, Степане,
Хиба й справди не сестра я?“ —
— „Ни, мое кохання,
Мое серце!“ — „Боже жъ ты мій!
Чому я не знала?
Була бъ тебе не любила
И не цилувала...
Ой, ой, соромъ! Геть одъ мене!
Пусты мене! Бачышь,
Якый добрый! Та пусты-бо!

Ий-Богу, заплачу“. —
И заплакала Ярына,
Якъ тая дытына.
И кризь слёзы промовляла:
„Покине! покине!“
Якъ той явирь надъ водою,
Степанъ похылвся,
Щыри слёзы козацькыи
Въ серци запеклыся,
Мовъ у пекли. А Ярына
То клене, то просыть,
То замовкне, подывытся,
И зновъ заголосыть.
Не стулыся, якъ смерклося;
И сестру, и брата,
Нибы скованныхъ до-купы,
Заставъ батько въ хати.

И свить наставъ, а Ярыни
Не спытса, —рыдае.
Уже Степанъ изъ крыныци
Коня напувае.
И вона зъ видрамы побигла,
Нибы за водою,
До крыныци. А тымъ часомъ
Запорожську зброю
Старый вынисъ изъ коморы.

Дывытся, радіе.
Прымиряе, нібы знову
Старый молодіе.
Та й заплакавъ. — „Зброе моя,
Зброе золотая!..
Лита мой молодый,
Сыло молодая!
Послужы, моя ты зброе,
Молодй ще сыли,
Послужы ёму такъ щыро,
Якъ мени служыла!“ —
Вернулыся одъ крыныци,
И Степанъ сидлае
Коня, своего товариша,
И жупанъ надивае.
А Ярына дае зброю,
На порози стол;
Степанъ іи надивае,
Та плачуть обое.
И шаблюка, мовъ гадюка,
И ратыще-дрючына,
И самопаль семыньяденный
Повысь за плечыма.
Ажъ зомлила, якъ уздрила.
И старый заплакавъ,
Якъ побачывъ на коневи
Такого юнака.

Веде коня за поводы
Та плаче Ярына;
Старый батько иде рядомъ,
Научае сына:
Якъ у вѣйську пробуваты,
Старшынь шануваты,
Товарыство поважаты,
Въ таборъ не ховатысь.
— „Нехай тебе Богъ заступить!“
Якъ за селомъ стали,
Сказавъ батько,—та вси трое
Разомъ зарыдали.
Степанъ гукнувъ, и курява
Шляхомъ пиднялася.
— „Не барыся, мій сыночку,
Швыдче повертайся!“ —
Сказавъ старый. А Ярына,
Мовъ тая ялына
Пры долини, похылылась...
Мовчала Ярына,
Тилькы слѣзы утырае,
На шляхъ поглядае.
Изъ курявы щось выгляне
И зновъ пропадае;
Нибы шапка черезъ поле
Котытся, чорніе,

— пропадае, мошечкою
Тилькы-тилькы мріе,
Тэ й пропало. Довго, довго
Стояла Ярына
Та дывылася, чы не вырне
Знову комашына
Изъ курявы. Не вырнула—
Пропала! И знову
Заплакала Ярыночка
Та й пішла до-дому.

Мынають дни; мынае літо;
Настала осінь, шелестыть
Пожовкле лыстя; мовъ убытый,
Старый пидъ хатою сыдыть.
Дочка нездужае Ярына!
Ёго едыная дытына
Покинуть хоче. Зъ кымъ дожыти
Добыты вику викового?
Згадавъ Степана молодого
Згадавъ свои благи літа
Згадавъ — та й заплакавъ
Багатый сывый сырота.

— „Въ Твоихъ рукахъ
Твоя всюды воля!

Нехай буде такъ, якъ хочешъ, —
Така моя доля!..“
Старый вымовывъ, и нышкомъ
Богу помолывся;
Та й пишовъ соби зъ-пидъ хаты
Въ садокъ походыты.

И барвинкомъ, и рутою,
И рястомъ квитчае
Весна землю, мовъ дивчыну
Въ зеленому гаи!
И сонечко середъ неба
Опынылось — стало,
Мовъ женихъ той, молодую,
Землю оглядало.
И Ярына вийшла зъ хаты
На свить Божый глянуть,
Ледве вийшла; усмихнется,
То пиде, то стане,
Розглядае, дывується,
Та любо, та тихо,
Нибы вчора народылась..
А лютеє лихо
Въ самимъ серци ворухнулось
И свить запалыло.
Якъ былына пидкошена,
Ярына схылылась;

Якъ зъ квиточки роса въ-ранци —
Слѣзы полылся..
Старый батько коло неи
Якъ дубъ похылвся.

Одужала Ярыночка.

Идутъ люде въ Кыйвъ
Та въ Почаивъ помолытысь,
И вона йде зъ нымы.
У Кыйви великому
Всихъ святыхъ благала;
У Межыгорського Спаса
Трычи прычащалась;
У Почаиви святому
Рыдала-моылась,
Шобъ Степанъ той, доля тая,
Йй хоча прыснылась.
Не прыснылась!.. Вернулася..
Знову забилила
Зима била. За зимою
Зновъ зазеленила
Весна Божа. Выйшла зъ хаты
На свить дывуватысь.
Ярыночка, та не Бога
Святого благаты,
А ныщечкомъ у ворожки
Про ёго спытаты...

И ворожка ворожила
Прыстрить заговляла,
Таланъ, долю та весилля
Зъ воску выливала.
— „Онъ, бачышъ, кинь осидланный
Тупае ногою
Пидъ козакомъ; а онъ-де йде
Дидусъ зъ бородою
Ажъ до колинъ. Отто грошы;
Якъ бы догадався
Козакъ оттой злякать дида...
Злякавъ! — та й сховався
За могылу, личыть грошы. .
А онъ знову шляхомъ
Козакъ иде, нибы старецъ,
То, бачъ, рады страху,
Щобъ ляхы, або татары
Часомъ не спиткалы“. —
И радесенька Ярына
До-дому верталась.

Уже третій и четвертый
И пятый мынае
Немалый рикъ, а Степана
Немае, немае!
И стежечка, дорижечка,

Яромъ та, горою
Утоптана до ворожки,
Поросла травою, —
Нема ёго!.. У черныци
Косу расплитае
Безталанна; коло неї
Падае-благае
Старый батько, — хочъ литечко,
Хочъ Петра диждаты,
Хочъ зеленої недилї...

Диждалысь, и хату
Уквитчаль гарнесенько,
И въ сорочкахъ билыхъ
Невесели, мовъ сыроты,
Пидъ хатою силы.
Сыдять соби та сумують.
Слухають... щось грае
Мовъ на кобзи, на улыци,
И нибы спивае..

Д у м а.

У недилїю въ-ранци рано
Сыне море грало:

Товариство кошового
На ради прохало:
„Благословы, отамане,
Байдакы спускаты,
Та за Тендеръ погуляты,
Турка пошукаты“.
Чайкы й байдакы спускалы,
Гарматамы рештувалы,
Зъ Днипрового гирла широкого выплы-
валы,
Середъ ночи темной
На мори сынёму,
За островомъ Тендеромъ потопалы, про-
падалы...
Одынъ потопае,
Другый вырынае,
Козацеству-товариству изъ сынёи хвыли
рукою махае
И зычно гукае:
„Нехай вамъ, панове товариство, Богъ
допомагае!“
И въ сыній хвыли потопае, про-
падае..
Тилькы тры чайкы, слава Богу,
Отамана куринного,
Сыроты Степана молодого,

И неридну сестру Ярыну...
Плаче, рыдае,
До Бога руки здіймае,
Кайданы ламае,
Утикае на вольную волю...
Уже на третёму поли
Туркы-янычары догналы,
До стовпа вьязалы,
Очи вьймалы,
Гарячымъ зализомъ выпикалы,
Въ кайданы кувалы,
Въ тюрму посадылы
Та й замурувалы. “
Оттакъ на вулыци, пидь тыномъ,
Ще молодой кобзарь стоявъ
И про невольныка спивавъ.
За тыномъ слухала Ярына,
И не дослухала—упала.
„Степаночку! Степаночку!“
Крычала, рыдала.
„Степаночку, мое сердце!
Де жъ це ты барывся?
Тату! тату! идить сюды,
Идить, подывитесь!“—
Прийшовъ старый, розглядае,
И своего Степана

Не признае. Таке зъ ёго

Зробылы кайданы.

— „Сыну ты мій безталанный!

Моя ты дытыно!

Де ты въ свити погыбаешъ!

Сыну мій едыный?“ —

Плаче старый та рыдае,

И Степанъ слыый плаче.

Невыдющымы очыма

Мовъ сонце побачывъ.

И берутъ ёго пидъ руки

И ведутъ у хату;

И витае Ярыночка,

Мовъ ридного брата:

И голову ёму змыла,

И ноги умыла,

И въ сорочци тонкій, билій

За стиль посадыла;

Годувала, напувала,

Положила спаты

У кимнати, — и тихенько

Выйшла зъ батькомъ зъ хаты.

Черезъ тыждень безъ старо-

стивъ

За Степана свата
Старый свою Ярыночку, —
И Ярына въ хати...
„Ни, не треба, мій таточку,
Не треба, Ярыно!“ —
Степанъ каже — „я загынувъ,
На-вики загынувъ!
За що жъ свои молодьи
Ты лита погубышь
За каликою, Ярыно?...
Насміются люде,
И Богъ святой покарае
И прожене долю
Зъ ціи хаты веселой
На чужее поле...
Ни, Ярыно! Богъ не кыне
И знайде дружину:
А я пиду въ Запорожя:
Тамъ я не загыну, —
Нагодують.“ — „Ни, Степане,
Моя ты дытыно!
И Господь тебе покыне,
Якъ ты насъ покынешь.
Оставайся, Степаночку;
Колы не хочь братысь,
То такъ будемъ: я — сестрою

А ты будешъ братомъ;
И дитьмы ёму обое,
Батькови старому.
Не йды одъ насъ, Степаночку,
Не кыдай насъ знову!..
Не покинешъ? "... „Ни, Ярыно!“
И Степанъ остався.
Зрадивъ старый, мовъ маленький
Ажъ за кобзу взявся,
Хотивъ вшкварыть метельцю
Зъ усіеи силы.
Та не вшкварывъ..
Пидъ хатою
Уси трое силы.
— „Розскажи жъ ты намъ, Степане,
Про свою недолю;
Бо й я такы гулявъ колысь
Въ турецкій неволи“..
„Отто жъ мене, вже слипого
На свить выпускалы
Зъ товариствомъ. Товариство
На Сичъ прямувало
И мене взяло зъ собою.
И черезъ Балканы
Просталы мы въ Украину
Вольными ногами;
А на тихому Дунаю

Насъ перебивають
Сичовыкы-запорожци
И въ Сичъ завертають...
И розсказують, и плачуть,
Якъ Сичъ руйновалы,
Якъ козаки
Въ-ночи утикалы
И на тихому Дунаю
Новымъ Кошемъ стали;
И якъ степы запорожськи
Тоди подилылы
И панамъ на Украини
Людь закрипостылы...
Оттакъ, тату! Я щасливый,
Що очей не маю,
Що ничого того въ свити
Не бачу й не знаю...
Оттаке-то! тяжко, тату,
Изъ своєї хаты
До турчына поганого
Въ сусиды прохатысь.
Теперь, кажуть, въ Слободзеи
Останки збирає
Головатый, та на Кубань

Хлопцивъ пидмовляе...
Нехай ёму Богъ поможе!
А що зъ того буде —
Святый знае: почуемо,
Що розскажуть люде.“

Оттакъ воны що-день Божый
У-двохъ розмовлялы
До пивночи, а Ярына
Господарювала,
Та святыхъ оттихъ благала...
Такы жъ ублагала:
На всейдній у недилю
Вона спарувалась
Зъ слинымъ своимъ..

Такее-то
Скоилось на свити,
Мои люби дивчаточка,
Рожевыи квиты!
Такее-то. Одружылысь
Мои молодии.
Може воно й не до-ладу,
Та що маю діять,
Колы таке сподіялось

Рикъ уже мынае,
Уже й другой. Зъ дружиною
Ярына гуляе
По садочку старый батько
Сыдыть коло хаты,
Та вчыть внука пузанчыка
Чоломъ отдаваты...

Епilogъ.

Оце и вся моя дума...
Не здывуйте, люде!
Те, що було, минулося
И знову не буде.
Минулыся мои слёзы,
Не рвется, не плаче
Поточене старе сердце,
И очи не бачать
Ни тихой хатыночки
Въ забутому краю,
Ни тихой долиночки,
Ни темного гаю;
Ни дивчыны молодой
И малои дытыны
Я не бачу щаслывои...

Все плаче, все гыне!
И радъ бы я сховатыся,
Але де?—не знаю,
Скризь неправда, де не гляну,
Скризь Господа лають!..
Серце вяне, засыхае,
Замерзають слёзы..
И втомивсь я, одинокый,
На самій дорози..
Оттаке-то... не здывуйте,
Що ворономъ кричу.
Хмара сонце заступила—
Я свита не бачу!..
Ледви, ледви о-пивночи
Серцемъ прозыраю
И немощну мою душу
За свить посылаю
Спилющои й живущои
Воды пошукаты:
Якъ инколы, то й прынесе
И покропыть въ хати,—
И засвитыть огонь чыстый,
И сумно, и тихо
Розказуе про весилля,
Звертае на лыхо..

Теперь мени про слипого
Сыроту кинчае,
Але якъ довесты краю—
И сама не знае:
Бо не було того дыва
Може споконъ-вику,
Щобъ щаслыва була жинка
Зъ слипымъ чоловікомъ.
Онъ же сталося таке дыво!
Годъ, другой мынае,
Якъ побралысь; а дывышся—
Въ купочци гуляють
По садочку... старый батько
Сыдыть коло хаты,
Та вчыть внука маленького
Чоломъ отдаваты.

ТОПОЛЯ.

По диброви витерь вые,
 Гулае по полю,
 Край дороги гне тополю
 До самого долу.
 Станъ высокий, листь широкий
 На-що зеленіе?
 Кругомъ поле, якъ те море
 Широке, сыніе.
 Чумакъ иде, подывытся,
 Та й голову схылить;
 Чабанъ въ-ранци зъ сопилкою
 Сяде на могыли,
 Подывытся—серце ные:
 Кругомъ ни былыны!
 Одна, одна, якъ сырота
 На чужыни, гыне!

Хто жъ выкохавъ тонку, гнучку
Въ степу погыбати?

Постривайте, все розскажу,

Слухайте жъ, дивчата!

Полюбыла чорнобрыва

Козака дивчына,

Полюбыла — не спыныла,

Пишовъ, та й загынувъ.

Якъ бы знала, що покыне,—

Була бъ не любыла;

Якъ-бы знала, що загыне,—

Була-бъ не пустыла:

Якъ-бы знала, не ходыла бъ

Пизно за водою,

Не стояла бъ до пивночи

Зъ мылымъ пидъ вербою;

Якъ-бы знала!...

И то лыхо —

Попереду знаты,

Що намъ въ свити зостри-

нется...

Не знайте, дивчата!

Не пытайте свою долю!...

Само серце знае.

Кого любить... Нехай вяне,

Поки закопають!
Бо недовго, чорноброви.
Кари оченята,
Биле лычко червоніє;
Не довго, дивчата!
До полудня, та й завьяне,
Бровы полыняють...
Кохайтесь жъ, любитеся,
Якъ серденько знає.

Защебече соловейко
Въ лузи на калыни.—
Заспиває козаченько,
Ходя по долини.

Выспивує, поки выйде
Чорнобрыва зъ хаты:

А винъ їи запытає:

„Чы не была маты?“

Стануть соби, обіймутся,—

Спива соловейко;

Послухають, розійдуться,—

Обое раденьки.

Нихто того не побачыть,

Нихто не спытає:

„Де ты була, що робыла?“

Сама соби знає.

Любылася, кохалася,
А серденько млило:
Воно чуло недоленьку,
А сказати не вмило.
Не сказало, — осталася,
День и ничь воркуе,
Якъ голубка безъ голуба,
А нихто не чуе.
Не щебече соловейко
Въ лузи надъ водою,
Не спивае чорнобрыва,
Стоя пидъ вербою;
Не спивае, — якъ сырота,
Билымъ свитомъ нудить.
Безъ мылого батько, маты —
Якъ чужыи люде;
Безъ мылого сонце свитить —
Якъ ворогъ сміється;
Безъ мылого серизьмогыла...
А серденько бється!
Мынувъ и парикъ, мынувъ
и другой —
Козака немає;
Сохне вона, якъ квіточка, —
Нихто не пытає,
„Чого вьлянешъ, моя доню?“

Маты не спытала,

За старого, багатого

Ныщеткомъ еднала.

„Иды, доню!“ каже маты:

„Не вникъ дивуваты!

Винъ багатый, одынокый —

Будешъ пануваты.“

— „Не хочу я пануваты,

Не пиду я, мамо!

Рушныкамы, що прыдбала,

Спусти мене въ яму.

Нехай поны заспивають.

А дружкы заплачуть:

Легше мени въ труни лежать,

А ніжъ ёго бачыть.“

Не слухала стара маты,

Робыла, що знала:

Все бачыла чорнобрыва,

Сохла и мовчала.

Нишла въ-ночи до ворожки,

Щобъ поворожыты.

Чы довго й на симъ свити

Безъ мылого жыты?

— „Бабусенько, голубонько,

Серце мое, ненько!

Скажи мени щыру правду:

Де мылый серденько?

Чы живъ, здоровъ, чы винъ
любыть,

Чы забувъ, покынутъ?

Скажы жъ мени, де мій мылый?

Край свита полыну!

Бабусенько, голубонько,

Скажы, колы знаешь!

Бо выдае мене маты

За старого замижъ.

Любыть ёго, моя сыза, —

Серце не навчыты.

Пишла бъ же я утопылась —

Жаль душу згубыты.

Колы не живъ чорнобрывый,

Зробы, моя пташко,

Щобъ до-дому не вернулась...

Тяжко мени, тяжко!

Тамъ старый жде зъ старостамы...

Скажы жъ мою долю."

— „Добре, доню; спочынь

трошки...

Чыны жъ мою волю.

Сама колысь дивувала,

Тее дыхо знаю;

Мынулося, навчылася —

Людямъ помагаю.

Твою долю, моя доню,
Позаторикъ знала,
Позаторикъ и зиллячка
Для того прыдбала.“

Пишла стара, мовъ каламарь
Достала зъ полыци.

— „Ось на тоби сёго дыва!

Пиды до крыныци;

Покры пивни не спивалы,

Умыйся водою,

Выпый тропкы сёго зилля —

Все лыхо загоить.

Выпьешь, — бижы, яко мога;

Що-бъ тамъ ни крычало,

Не оглянься, покы станешъ

Ажъ тамъ, де прощалась.

Одпочынешъ; а якъ стане

Мисяць середъ неба,

Выпый ще разъ; не прыйиде —

Въ трете выпыть треба.

За першый разъ, якъ за той рикъ,

Будешъ ты такою;

А за другый — середъ степу

Тупне кинь ногою.

Колы жывый козаченько,

То заразъ прыбуде.

А за третій... моя доню,
Не пытай, що буде,
Та ще чуешъ, не хрестыся,
Бо все пиде въ воду.
Теперь же йды, подывыся
На торишню вроду.“

Взяла зилля, поклонила:
„Спасыби, бабусю!
Выйшла зъ хаты: „Чы йты, чы ни?
Ни, вже не вернуся!“

Пишла, вмылась, напылася —
Мовъ не своя стала;
Въ-друге, въ-трете, та, мовъ
сонна,
Въ степу заспывала:

Плавай, плавай, лебедонько,
По сынёму морю;
Росты, росты, тополенько,
Все вгору, та вгору!
Росты тонка та висока
До самой хмары,
Спытай Бога, чы дижду я,
Чы не дижду пары?
Росты, росты, подывыся
За сынее море:

По тимъ боци—моя доля.
По симъ боци—горе.
Тамъ здесь мылый чернобровый
По полю гуляе,
А я плачу, злита трачу,
Ёго выглядаю.
Скажи ёму, мое сердце,
Що сміются люде;
Скажи ёму, що загыну.
Колы не прыбуде.
Сама хоче мене маты
Въ землю заховаты...
А хто жъ ии головоньку
Буде доглядаты?
Хто догляне, роспытае,
На старисть поможе?
Мамо моя, доле моя!
Боже мылый, Боже!
Подывыся, тополенько,
Якъ нема, заплачешъ
До схиць сонця ранесенько,
Щобъ нихто не бачывъ.
Росты жъ, сердце тополенько,
Все вгору, та вгору;
Плавай, плавай, лебедонько,
По сынёму морю!“

Таку писню чорнобрыва
Въ степу заспывала.
Зилля дыва наробыло —
Тополею стала.
Не вернулася до-дому,
Не диждала пары;
Тонка, тонка та висока —
До самой хмары.

По диброви витерь вые,
Гуляе по полю.
Край дороги гне тополю
До самого долу.

ПЕРЕБЕНДЯ.

Дума.

—
Перебендя старый, слепой, —
Хто ёго не знае?
Винъ усюды вештается
Та на кобзи грае.
А хто грае, того знаютъ
И дякують люде:
Винъ имъ тугу розгание,
Хоть самъ свитомъ нудить.
По-пидь тынню сиромаша
И днюе, й ночуе:
Нема ёму въ свити хаты;
Недоля жартуе
Надъ старою головою.
А ёму байдуже —
Сяде соби, заспивае:
„Ой не шуми, луже!“
Заспивае, та й згадае,
Що винъ сиротына,
Пожурытся, посумуе,
Сыдячы пидь тыномъ.

Оттакый-то Перебендя,
Старый та хымерный!
Заспивае про Чалого
На Горлицю зверне;
Зъ дивчатамы на выгони
Грыця та вѣснянку,
А у шынку зъ парубкамы—
Сербына, Шынкарку;
Зъ жонатымы на бенкѣти
(Де свекруха злая)—
Про тополю, лыху долю,
А потимъ — Угаю;
На базари—про Лазаря,
Або, щобъ те зналы,
Тяжко-важко заспивае,
Якъ Сичъ руйнувалы.
Оттакый-то Перебендя,
Старый та хымерный!
Заспивае, засміється,
А на слёзы зверне.

Витеръ вѣе-повивае,
По полю гуляє.
На могыли кобзарь сыдыть
Та на кобзи грає.
Кругомъ ёго степь, якъ море
Шыроке, сынїе:

За могилою могила,
А тамъ—тільки міре...
Сивый усъ, стару чуприну
Витерь розвиває: чом ви вани
То прляже та послуха;
Якъ кобзарь спиває,
Якъ сердце сміється, слипн очі плачуть...
Послуха, повіе...

Старый заховавсь
Въ степу намогили, щобъ ни хто не бачывъ,
Щобъ витерь по полю слова розмахавъ,
Щобъ люде не чулы, бо то Боже слово,
То сердце по воли зъ Богомъ розмовля,
То сердце щебече Господнюю славу,
А думка край свита на хмари гуля.
Орломъ сызкрылымъ литає, шыряє,
Ажъ небо блакитне шырокымы бье;
Спочыне на сонци, его залытає,
Де воно ночує, якъ воно встає;
Послухає моря, що воно говорить,
Спыта чорну гору, чого ты нима?
И знову на небо, бо на земли горе,
Бо на ій, шырокій, куточка нема
Тому, хто все знає, тому, хто все чує:
Що море говорить, де сонце ночує.
Его на симъ свити ни хто не прйма!

Одынъ винъ мижъ нмы, якъ сонце высоке.
Его знаютъ люде, бо носить земля:
А якъ-бы почулы, що винъ одынокый
Спива на могили, зъ моремъ розмовля,—
На Божее слово воны бъ насмѣялись,
Дурнымъ бы назвалы, одъ себе бъ прогнали:
„Нехай по-надъ моремъ“, сказали бъ,
„гуля!“

Добре еси, мій кобзарю,
Добре, батьку, робышь,
Що спиваты розмовляты
На могилу ходышь!
Ходы соби, мій голубе,
Поки не заснуло
Твое сердце, та выспивуй,
Щобъ люде не чулы.
А щобъ тебе не цуралысь—
Цотурай имъ, брате!
Скачы, враже, якъ панъо каже:
На те винъ багатый.
Оттакий-то Перебендя,
Старый та хымерный!
Заспивае весильной,
А на журбу зверне.

HIBLY

THE

HILLY

HILBY